

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич [1821-1877] - виднейший русский революционно-демократический поэт. Р. 4 декабря 1821 в семье зажиточного помещика. Детство свое провел в усадьбе Грешнево Ярославской губ. в исключительно тяжелой обстановке зверских расправ отца с крестьянами, бурных оргий его с крепостными любовницами и наглого издевательства над "затворницей"-женой. 11 лет Н. отдан был в Ярославскую гимназию, курса в к-рой он не окончил. По настоянию отца отправился в 1838 в Петербург поступать на военную службу, но вместо того устроился вольнослушателем в университет. Взбешенный отец перестал ему оказывать материальную поддержку, и Н. в течение ряда лет пришлось претерпевать мучительную борьбу с нищетой. Уже в это время Н. привлекала к себе лит-ра, и в 1840 он при поддержке некоторых петербургских знакомых выпустил книжку своих стихов под заглавием "Мечты и звуки", изобилующую подражаниями Жуковскому, Бенедиктову и пр. От лирических опытов в духе романтического эпигонства молодой Некрасов вскоре обратился к юмористическим жанрам: полным невзыскательного балагурства поэмам ("Провинциальный подьячий в Петербурге"), водевилям ("Феоктист Онуфриевич Боб", "Вот что значит влюбиться в актрису"), мелодрамам ("Материнское благословенье, или бедность и честь"), повестям о мелком петербургском чиновничестве ("Макар Осипович Случайный") и пр. К 1843-1845 относятся первые издательские предприятия Н. - "Физиология Петербурга", "Петербургский сборник", юмористический альманах "Первое апреля" и пр. В 1842 произошло сближение Н. с кружком Белинского, оказавшее на молодого поэта огромное идеологическое влияние. Великий критик высоко ценил его стихотворения "В дороге", "Родина" и др. за срывание романтического флера с деревенской и усадебной действительности. С 1847 Н. оказался уже арендатором журнала "Современник", куда перешел из "Отечественных записок" и Белинский. К половине 50-х гг. "Современник" завоевал себе огромные симпатии читающей публики; одновременно с ростом его популярности росла и поэтическая слава самого Н. Во второй половине 50-х гг. Н. сблизился с виднейшими представителями революционной демократии - Чернышевским и Добролюбовым. Обострившиеся классовые противоречия не могли не отразиться и на журнале: редакция "Современника" оказалась фактически расколота на две группы: одна представляла либеральное дворянство во главе с Тургеневым, Л. Толстым и примыкающим к ним крупным буржуа Вас. Боткиным - течение, ратовавшее за умеренный реализм, за эстетическое "пушкинское" начало в лит-ре в противовес сатирическому - "гоголевскому", пропагандировавшемуся демократической частью русской "натуральной школы" 40-х гг. Эти лит-ые разногласия отражали углубившиеся по мере падения крепостничества разногласия двух его противников - буржуазно-дворянских либералов, стремившихся реформами крепостничества предотвратить угрозу крестьянской революции, и демократов, боровшихся за полную ликвидацию феодально-крепостнического строя.

В начале шестидесятых годов антагонизм этих двух течений в журнале (подробнее об этом см. статью "Современник") достиг предельной остроты. В происшедшем расколе Н. остался с "революционными разночинцами", идеологами крестьянской демократии, боровшимися за революцию, за "американский" тип развития капитализма в России и стремившимися сделать журнал легальной базой своих идей. Именно к этому периоду наивысшего политического подъема движения относятся такие произведения Некрасова, как "Поэт и гражданин" [1856], "Размышления у парадного подъезда" [1858] и "Железная дорога" [1864]. Однако начало 60-х гг. принесло Некрасову новые удары - умер Добролюбов, сосланы в Сибирь Чернышевский и Михайлов. В эпоху студенческих волнений, бунтов освобожденных от земли крестьян и польского восстания журналу Н. было объявлено "первое предостережение", выход в свет "Современника" приостанавливается, а в 1866, после выстрела Каракозова в Александра II, журнал закрылся навсегда. С последней датой связан один из самых мучительных эпизодов социальной биографии Н. - его хвалебная ода Муравьеву-вешателю, прочитанная поэтом в аристократическом Английском клубе в надежде смягчить диктатора и предотвратить удар. Как и следовало ожидать, диверсия Н. не имела успеха и не принесла ему ничего кроме яростных обвинений в ренегатстве и горчайшего самобичевания: "Ликует враг, молчит в недоуменьи Вчерашний друг, качая головой. И вы, и вы отпрянули в смущеньи, Стоявшие бессленно предо мной, Великие страдальческие тени..."

Через два года после закрытия "Современника" Н. арендовал у Краевского "Отечественные записки" (см.) и сделал их боевым органом революционного народничества.

На прославление последнего направлены и такие произведения Н. 70-х гг., как поэмы "Дедушка", "Декабристки" (по цензурным обстоятельствам названные "Русские женщины") и особенно неоконченная поэма "Кому на Руси жить хорошо", в последней главе к-рой действует сын сельского дьячка Гриша Добросклонов: "Ему судьба готовила Путь славный, имя громкое Народного заступника, Чухотку и Сибирь".

Неизлечимая болезнь - рак прямой кишки, - на два последние года жизни приковавшая Н. к постели, привела его 27 декабря 1877 к кончине. Похороны Н., привлёкшие множество народа, сопровождались литературно-политической демонстрацией: толпа молодежи не дала говорить Достоевскому, отведшему Н. третье место в русской поэзии после Пушкина и Лермонтова, прервав его криками "Выше, выше Пушкина!" В погребении Н. принимали участие представители "Земли и воли" и др. революционных организаций, возложившие на гроб поэта венок с надписью "От социалистов".

Марксистское изучение творчества Некрасова в течение долгого времени возглавлялось статьей о нем Г. В. Плеханова (см. т. X его сочин.), написанной последним к 25-летию смерти поэта, в 1902. Было бы несправедливым отрицать крупную роль, к-рую эта статья сыграла в свое время. Плеханов провел в ней резкую грань между Н. и дворянскими писателями и резко подчеркнул революционизирующую функцию его поэзии. Но признание исторических заслуг не освобождает статью Плеханова от ряда крупнейших недостатков, преодоление к-рых на текущем этапе марксистско-ленинского литературоведения особенно важно. Объявляя Н. "поэтом-разночинцем", Плеханов никак не дифференцировал этот социологически неопределенный термин и, что всего важнее, изолировал Н. от той фаланги идеологов крестьянской демократии, с к-рой автор "Железной дороги" был так тесно и органически связан. Этот отрыв обусловлен меньшевистским неверием Плеханова в революционность русского крестьянства и непониманием той связи между революционными разночинцами 60-х гг. и мелким товаропроизводителем, на к-рую так настойчиво указывал уже в 90-х гг. Ленин. Мало удовлетворительна плехановская статья и в плане художественной оценки: творчество Н., представляющее собой новое качество в русской поэзии, критикуется Плехановым с позиций той самой дворянской эстетики, с к-рой Н. ожесточенно боролся. Стоя на этой, в основе своей порочной, позиции, Плеханов ищет у Н. многочисленных "погрешностей" против законов художественности, ставит ему в вину "неотделанность", "топорность" его поэтической манеры. И наконец оценка Плеханова не дает представления о диалектической сложности некрасовского творчества, не вскрывает внутренних противоречий последнего. Задача современных исследователей Н. заключается поэтому в преодолении еще живучих в лит-ре о Н. пережитков плехановских воззрений и в изучении его творчества с позиций марксизма-ленинизма.

В своем творчестве Н. резко порывал с идеализацией "дворянских гнезд", столь характерной для "Евгения Онегина", "Капитанской дочки", "Отцов и детей", "Детства, отрочества и юности", "Семейной хроники". Авторы этих произведений не раз бывали свидетелями бушевавшего в усадьбе грубейшего насилия над личностью крепостных крестьян, и тем не менее в силу своей классово-природы все они прошли мимо этих отрицательных сторон помещичьего бытия, воспев то, что в нем, по их мнению, было положительного и прогрессивного. У Н. эти любовные и элегические зарисовки дворянских усадеб уступали место беспощадному разоблачению: "И вот они опять, знакомые места, Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста, Текла среди пиров, бессмысленного чванства, Разврата грязного и мелкого тиранства, Где рой подавленных и трепетных рабов Завидовал житею последних барских псов..." Н. не только отброшена, но и разоблачена традиционная для всей дворянской лит-ры иллюзия любви крепостных к их владельцам: "грязному и мелкому тиранству" здесь противостоят "подавленные и трепетные рабы". И даже с пейзажа, с не раз прославленных красот усадебной природы Н. сорвана поэтическая завеса: "И с отвращением кругом кидая взор, С отрадой вижу я, что срублен темный бор, В томящий летний зной защита и прохлада, И нива выжжена и праздно дремлет стадо, Понутив голову над высохшим ручьем, И на бок валится пустой и мрачный дом..." Так уже в раннем стихотворении "Родина" [1846] звучит та ненависть к крепостничеству, к-рая прошла затем через все творчество поэта. Помещики в изображении Н. не имеют ничего общего с мечтательными и прекраснодушными героями либеральной лит-ры. Это - самодуры, травящие крестьянский скот ("Псовая охота"), это - развратники, беззастенчиво пользующиеся своим правом первой ночи ("Отрывки из путевых

записок графа Гаранского", 1853), это - своевольные рабовладельцы, ни в ком не терпящие противоречия: "Закон - мое желание, - с гордостью объявляет встречным крестьянам помещик Оболт-Оболдуев, - кулак - моя полиция! Удар искросыпительный, удар зубодробительный, удар скуловорррот" ("Кому на Руси жить хорошо", гл. "Помещик"). "Ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми", о к-ром упоминал Белинский в своем замечательном письме к Гоголю, - это зрелище Н. развернуто в широчайшее повествовательное полотно. Приговор феодально-крепостнической системе, произнесенный поэтом в поэме "Дедушка", в "Последыше" и во множестве мелких стихотворений, решителен и беспощаден.

Но если разрыв с крепостничеством отчетливо отразился уже в творчестве молодого П., то значительно сложнее и противоречивее было его отношение к дворянскому либерализму. Необходимо припомнить здесь, что эпоха 40-х гг., когда Н. начинал свой творческий путь, характеризовалась недостаточным размежеванием демократов и либералов. Крепостники были еще сильны и подавляли какие бы то ни было попытки заменить их господство новой системой отношений. Путь демократов в ту пору не был еще вполне самостоятельным. Белинский еще не имел собственного журнала, его путь был еще близок к пути Тургенева и Гончарова, с к-рыми впоследствии так разошлись идейные продолжатели дела Белинского. На страницах "Современника" будущие враги еще соседствовали друг с другом, и совершенно естественно, что при этой близости дорог у демократов должны были время от времени возникать либеральные оценки действительности. Они закономерно возникали в ту пору и у Некрасова. Разорвав с крепостничеством, он не сразу изжил остатки либерально-дворянской идеологии, к-рая, как мы увидим ниже, питалась в нем всем соотношением классовых сил в ту эпоху. В творчестве Н. находит себе выражение процесс перехода деклассировавшегося дворянства в лагерь идеологов крестьянской демократии. Уход Н. из усадьбы, разрыв его с отцом нельзя считать фактами его личной биографии - здесь несомненно получил свое частное выражение процесс экономического "вымывания" и политического отхода отдельных групп дворянства от своего класса. "В те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса внутри всего старого общества принимает такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего". Это положение "Коммунистического манифеста" бесспорно проясняет социальный путь Н. к идеологам революционного крестьянства. Путь этот очень быстро привел Некрасова в лагерь демократов. Но сам этот лагерь в 40-50-х гг. еще недостаточно обособился от либерально-дворянского лагеря. Отсюда временная связь Н. с этими попутчиками, с либералами, боровшимися за замену феодализма капитализмом. Эта недостаточная размежеванность двух лагерей осложнила творческий путь Н. колебаниями, рудиментами либерально-дворянских реакций, особенно сильными в первый период его творчества.

Именно из этих "остаточных" настроений и возникает то, что Н. в разоблачение рабовладельческой сущности дворянской усадьбы вплетал осложняющие его признания. В этой усадьбе "научился я терпеть и ненавидеть, но ненависть в душе постыдно притая", там "иногда бывал помещиком и я", там "от души моей доверменно растленной так рано отлетел покой благословенный". Это признание "Родины" может быть подтверждено аналогичными признаниями в стихотворении "В неведомой глуши" [1846]. Само собой разумеется, что Н. ни на иоту не склонен был смягчить свой приговор над крепостнической системой; но в ту эпоху, когда демократы были еще очень слабы как самостоятельная группа, либералы еще играли некоторую прогрессивную роль. Вот почему проповедь Некрасовым новых демократич. отношений часто осложнена либеральными колебаниями. В поэме "Саша" [1855] он идет в разоблачении дворянского либерализма неизмеримо дальше, чем Тургенев в близком к ней по сюжету романе "Рудин". Но разоблачая Агарина, высмеивая его неспособность к "делу", он отдает ему должное как учителю молодого и демократического поколения: "Сеет он все-таки доброе семя... Нетронутых сил В Саше так много сосед пробудил". Такое же смягченное отношение к либералам 40-х гг. мы встречаем у Некрасова и в его лирической комедии "Медвежья охота": "За то теперь клеймит их иногда предателями племя молодое, Но я ему сказал бы: "не забудь, Кто выдержал то время роковое, Есть от чего тому и отдохнуть"... .. кто твое держал когда-то знамя, Тех не пятнай".

Эти мотивы никогда не играли у Н. доминирующей роли, они никогда не являлись ведущими. При всех своих симпатиях к лучшим, честнейшим людям из дворян Н. все же

является представителем иного политического лагеря, идеологом крестьянства. Но сами по себе извиняющие ноты у Н. несомненны, и они находят себе объяснение в истоках его творчества и сложности и противоречивости социальных условий его развития. По определению Ленина, "Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои "грехи" и публично каялся в них" (Ленин В. И., Еще один поход на демократию, Сочин., изд. 3-е, т. XVI, стр. 132).

Чем ближе к 60-м гг., тем менее у Н. этих либеральных реакций, тем сильнее звучат в нем мотивы обличения дворянства как класса. В конце 50-х гг. Н. - уже ближайший союзник Чернышевского и Добролюбова. В эту эпоху временные попутчики оказались по разным сторонам баррикад. Н. разрывает с либералами. Таково стихотворение Н. "Тургеневу" [1861], отражающее его разрыв с одним из его ближайших друзей, в новом своем романе "Отцы и дети" открывающем огонь по идеям нигилизма. Реформы 60-х гг. глубоко обнажили предательскую сущность дворянского либерализма, стремившегося снять с мужика феодальные тяготы только затем, чтобы открыть широкую дорогу капиталистической его эксплуатации. В отношении Н. к либералам 40-х гг. еще звучали некоторые извиняющие ноты, но либералов послереформенной поры Некрасов клеймил как предателей народных интересов.

Но если в 60-х гг. почти исчезли срывы Н. в либерализм, то на этом новом этапе его творчества во всю свою широту вырисовывалось новое противоречие. Н. в эти годы - деятельный участник революционно-демократического лагеря, ведущего упорную борьбу за торжество крестьянской революции. Но борьба эта, несмотря на всю ее ожесточенность, кончилась (на том этапе, на каком ее мог застать Некрасов) разгромом революционного движения. Сослан в далекую Сибирь Чернышевский, закрыты органы революционной журналистики, разгромлено хождение "в народ" революционных пропагандистов 70-х гг. "Смолкли честные, доблестно павшие, Смолкли их голоса одинокие, За несчастный народ вопившие..." В этой новой и глубоко трагической обстановке Н. мучится тем, что он слаб, что он не может разделить судьбы своих друзей. О своей слабости он говорит неустанно и в стихотворении "К неизвестному другу", и в трагическом ответе "остервенелой толпе", клеймящей его за "угоднические грехи", и в своих предсмертных элегиях. Н. мучит трагедия его оторванности от народа: "Я настолько же чуждым народу умираю, как жить начинал". Это представление было конечно неверным, ибо вся деятельность Н. шла по линии защиты крестьянских интересов, но оно питалось глубокими противоречиями самого революционного движения.

Противоречия, возникшие на этой основе и обуревавшие психику Н., в основе своей - противоречия слова и дела: "Я за то глубоко презираю себя, Что живу - день за днем бесполезно губя... И что злоба во мне и сильна, и дика, А до дела дойдет - замирает рука". Поэт испытывает глубочайшее уважение к вождям и идеологам революционной демократии: "Белинский был особенно любим... Молясь твоей многотрадной тени, Учитель! перед именем твоим Позволь смиренно преклонить колени" ("Медвежья охота"), "Природа мать! Когда б таких людей Ты иногда не посылала миру, Заглохла б нива жизни" ("Добролюбову"). Он превозносил этих борцов за то кристальное единство слова и дела, теории и практики, к-рое Н. не всегда ощущал в себе самом: "Не скажет он, что жизнь его нужна, Не скажет он, что гибель бесполезна; Его судьба давно ему ясна" ("Чернышевский"). Лишившись друзей и руководителей, Н. часто отдавался во власть депрессии. То обстоятельство, что он уцелел в ожесточеннейшей борьбе, дало ему повод рисовать себя одиночкой: "Я дворянскому нашему роду Блеска лирой моей не стяжал; Я настолько же чуждым народу Умираю, как жить начинал. Узы дружбы, союзов сердечных - Все порвалось: мне с детства судьба Посылала врагов долговечных, А друзей уносила борьба". Это было конечно безмерным преувеличением, но это было фактом лит-ой биографии Н. и нашло себе широкое отражение в его творчестве. Отсюда, с этой позиции Н. в лагере побежденных и оторванных от своего класса идеологов крестьянской революции, росли у Н. и мотивы уныния ("Уныние") и изобличение в себе постоянного "бессилия раба", "бессильной" и "вялой тоски" ("Возвращение").

"Вы еще не в могиле, вы живы, Но для дела вы мертвы давно; Суждены вам благие порывы, Но свершить ничего не дано". "Редки те, к кому нельзя применить этих слов, - приписал

Н. в автографе "Рыцаря на час" под впечатлением ареста М. Л. Михайлова, - честь и слава им - честь и слава тебе, брат". Полная покаянных настроений лирика Н. концентрировала в себе все "издержки его производства". Н. не уместается конечно в границах одной только горестной рефлексии: в его творчестве несомненен резкий идеологический разрыв с дворянским режимом. Но вся та боль, к-рую испытывал поэт в трудной борьбе за социальное самоопределение, нашла себе выражение в его лирике.

Всмотримся в систему образов этой лирики, в ее внутреннюю структуру. Через всю его лирику проходит образ плачущей матери, неотрывный от усадебных впечатлений Н. Обращения Некрасова к матери - это почти всегда обращения к "родине", проникнутые волнением поэта и его не менее волнующим сознанием своего "бессилия". Другой образ - Музы - возникает у Н. тогда, когда ему приходится определять свое отношение к классическому наследию и подвергать эстетической оценке собственное творчество. Традиционный образ величавой покровительницы искусства, юной богини в храме поэзии (Жуковский, Пушкин, Фет), не мог привиться в лирике Н., - он кричаще дисгармонировал бы с его насыщенным социальными тенденциями творчеством. Плачущий и скорбный образ Музы Н., к-рую он так часто отождествлял с образом иссеченной кнутом крестьянки, связан был с поэтом "прочным и кровным союзом": "Через бездны темные насилия и зла, Труда и голода она меня вела". Воплощая собой ведущие тенденции творчества Н., Муза полна гнева к эксплуататорам и скорби по угнетенному народу: "Помирите же с Музой моей! Я не знаю другого напева: Кто живет без печали и гнева, Тот не любит отчизны своей" ("Газетная"). Отношение Н. к искусству полнее всего воплотилось в диалоге "Поэт и гражданин" [1856]; как и все остальные стихотворения Н. об искусстве, диалог этот говорит о неустанной тяге к "гражданственности" и о сознании глубочайших трудностей этого пути. В этой борьбе двух начал - поэта и гражданина - в особом плане, в суженных размерах, проявилась одна из основных тем его творчества. И наконец для лирики Н. характерен образ любимой женщины, лишенной атрибутов усадебного довольства, воспитанной в нужде "невзлюбившей ее с детства судьбой" ("Тяжелый крест достался ей на долю"). Любовное чувство теряет свою непосредственность. Выросшее в обстановке нищеты, голода и проституции, оно полно внезапных охлаждений, насыщено разнообразными проявлениями ревности, семейными сценами и горчайшими самообличениями поэта в ничтожестве и бессилии. Любовные стихотворения Н. представляют собой развернутое покаяние, неумолимое бичевание Н. собственных слабостей и грехов. Тем самым эти его произведения тесно смыкаются с остальной лирической продукцией.

Основным лирическим жанром Н. является поэма, по своему содержанию представляющая или исповедь ("Рыцарь на час"), или воспоминания поэта о далеком прошлом ("Возвращение"), или наконец обращения к близкому человеку ("Мать"). Для любовной лирики Н. характерны напевные жанры, например романс с своеобразной ритмико-мелодической структурой и лейтмотивами и особенно элегия с характерными воспоминаниями о прошлом счастье и мучительными раздумьями о настоящем. Всей лирике присуще обилие пейзажных зарисовок, чаще всего осенне-неприятных. Столь же закономерны для психики поэта и образы "голода", "болезней", "смерти", "кладбища". Печальны и любимые эпитеты Н. ("больной", "тяжелый", "угрюмый", "унылый", "печальный", "мучительный" и др.) и его сравнения ("Женщина поет, как будто в гроб кладет она подругу", "Стонала ты, как стонет раб над плугом"). Постоянные колебания поэта, резчайшие переходы его от предельного возбуждения к апатии и хандре приводят к борьбе в его лирике двух синтаксических потоков. В моменты лирического подъема господствует мелодико-риторическая стихия с массой авторских вопросов и обращений ("Не рыдай так безумно над ним. Хорошо умереть молодым..." "Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!"), с антитезами, параллелизмами, градациями ("На нее не наложат пятна Ни ошибка, ни сила, ни злоба") и высокий строй лексики. В периоды депрессии господствует, наоборот, почти разговорный строй речи с обилием enjambements ("Уныние", "Последние элегии"), частыми паузами и намеренными обрывами стиха ("Письма", "Горящие письма"), с заунывными дактилическими окончаниями. Сочетания этих двух антитетичных друг другу стихий мы наблюдаем и в лексике лирики Н., варьирующейся от почти напыщенной фразеологии ("И добрых знаний много сеял ты, Друг Истины, Добра и Красоты") до подчеркнутых прозаизмов (ср. напр. в "Рыцаре на час": "Ночью буду микстуру глотать"). Кричащие диссонансы некрасовского словаря отражают те же противоречия, что и борьба двух начал его поэтического синтаксиса, что и трехсложные размеры метрики, что и печальные, щемящие образы и тропы. Причастные рифмы ("От ликующих, праздно болтающих, обгаряющих...") "режут ухо", но гладкий, "высокий" словарь дисгармонировал бы со

страдальческими мотивами его лирики. Некрасовская стилистика вся построена на диссонансах, но что другое могло находиться в такой органической связи с диссонансами и противоречиями его творческого развития?

В поле зрения Н. неизбежно должен был попасть мужик, эксплуатацией которого жили помещики. Разрывая с дворянством, поэт должен был отдавать все больше и больше внимания поместно-деревенским отношениям, мужику, его быту и его сознанию. Идеологический разрыв с помещьем находился в диалектической связи с углубленным вниманием Н. к мужику. Отсюда выросли его широчайшие полотна крестьянской действительности.

Колорит народных картин Н. неизменно мрачен: "Где народ, там и стон". "Стонет он по полям, по дорогам... В рудниках на железной цепи, Стонет он под овином, под стогом, Под телегой, ночуя в степи; Стонет в собственном бедном домишке, Свету божьего солнца не рад; Стонет в каждом глухом городишке, У подъезда судов и палат" ("Размышления у парадного подъезда"). Не стонут у Н. только две категории крестьян - дворовые и дети. Но к первым Н. и относится зато совсем иначе, чем к исконным крестьянам-земледельцам. В противовес идеализации верности дворовых слуг, столь характерной для дворянских писателей (образы Савельича в "Капитанской дочке", Евсеича в "Детских годах Багрова внука", Натальи Савишны в "Детстве, отрочестве и юности"), Н. собачью преданность дворовых господам показывает как рабскую, холопскую, "холуйскую" черту ("Эй, Иван", образы "любимого раба" князя Переметьева, "чувствительного холуя" Ипата в "Кому на Руси жить хорошо"). Что же касается крестьянских детей, то, сочувственно их рисуя, Н. постоянно подчеркивает висящие над ними опасности - болезни, угрозу подобно Демушке быть съеденным свиньями, тревожную работу подпaska, наконец сиротство.

В первый раз после Радищева в русской лит-ре развернуто такое потрясающе мрачное изображение крестьянского рабства. Крепостное право озаряет своим трагическим отсветом почти все произведения Н. о народе - от раннего "Огородника" [1846] до поэмы "Кому на Руси жить хорошо" [1875]. Через все творчество Н. лейтмотивами проходят крестьянское бесправие и барский произвол. Жизнь крепостного в полной зависимости от желаний и прихотей помещика: "Есть у Пахомушки женка и дети, Да не Пахомушке ими владети: Лег семьянином, а встал бобылем. Нынче - крестьянин оброчной, Завтра - холоп беспорточной, Через неделю солдат под ружьем". Нет формы насилия помещика над крестьянином, к-рой не изобразил бы Н.: здесь и нещадное дранье, все равно - за отказ ли от податей или за крепкую ругань, здесь и расстраивание мужицкой свадьбы, сыгранной без позволения барина, со сдачей жениха в рекруты, здесь и наглое использование деревенских девушек для нужд барского гарема. И над всем этим - беспросветное бесправие мужика. Лишенное права на продукты своего труда, крестьянство живет в ужасающей нищете: "Нивы посохли, коровы подохли, Как эти люди заплатят оброк?" ("Путешественник"). Неудивительно, что крестьяне топят свое горе в вине, пьют, чтобы забыть про тяжелую страду, про непосильную работу (образы пьяных в "Вине", "Коробейниках", в сцене ярмарки в "Кому на Руси жить хорошо"). Тяжела участь мужика, но еще безысходнее доля крестьянки, над к-рой кроме каторжного труда тяготеет вечная зависимость от тяжелой руки. Для мужской части дореформенной деревни величайшим бедствием является двадцатилетняя рекрутчина ("Мороз-Красный нос"). Крестьянин возвращается с военной службы или больным ("Орина, мать солдатская") или изувеченным инвалидом с грошовым пенсионом ("Полного выдать не велено: Сердце насквозь не прострелено" - "Кому на Руси жить хорошо"). Голодная, нищая и бесправная деревня выгорает ("Ночлеги") и вымирает ("Похороны", "Мороз-Красный нос"). "Воля" 1861 сняла с крестьянина (и то номинально) юридическую власть барина, но нищета попрежнему осталась беспросветной. Сначала крестьяне обрадованы вестью о свободе ("Деревенские новости", "Знахарка"), и самого поэта охватывает надежда на улучшение мужицкой участи. Но уже через несколько месяцев начинается усмирение вотчины помещика Обрубкова "воинством", а у крестьян "Последыша" его наследники оттягали обещанную землю. Голод попрежнему стучится в двери мужика, засуха попрежнему опустошает его скудные поля. В дополнение к барину крепнет кулак, подстерегающий "оказии, Когда сбирались подати И собственность вахлацкая Пускалась с молотка" (образ Еремина в "Кому на Руси жить хорошо"), и новая администрация, "непрощенная и неправедная". Старообрядец Кропильников, которого уволили за смуту в острог, сурово предрекал крестьянам: "Были оборваны - будете голодны, Били вас палками,

розгами, кнутьями, Будете биты железными прутьями... Правды в судилище, свету в ночи, В мире добра не ищи".

Рисуя противоречия крестьянского сознания, Н. сумел в неизмеримо большей степени, чем какой-либо иной русский поэт, показать живущее в мужике той поры бунтарское начало. Говорит ли его огородник: "Знать, любить не рука мужику-вахлаку да дворянскую дочь" [1846], бранит ли ядовито крестьянин-пастух охотящегося барина ("Псовая охота"), смеются ли странники над выжившим из ума крепостником-последышем - всюду крестьяне выступают у Н. ненавидящими бар и таящими в себе семена бунта. Они то убьют барина, злоупотреблявшего своим "правом первой ночи", то "зароют в землю" "живодера" барского управляющего. Они сочувствуют расправе с помещиком, о которой Н. рассказал в "Песне о разбойнике Кудеяре", искусно замаскировав заключенный в ней призыв к революционной расправе с помещиком фиктивным польским колоритом. Но призывая к борьбе и всячески отмечая неистребимую ненависть крестьян к барам, Н. в то же самое время отдает себе отчет, что оторванное от своих идеологов и неорганизованное крестьянство бессильно подняться на борьбу с режимом. Для некрасовского крестьянина пассивный протест характерен и тогда, когда он бредет ходоком в далекую столицу ("Размышления у парадного подъезда"), и тогда, когда он вешается, чтобы тем лишить своего барина "верного холопа". От правдоискателя Ионы Ляпушкина до разбойника Кудеяра, от убийцы барского управляющего до старушки, повествующей грустную притчу об утерянных ключах "от нашей вольной волюшки", - какой огромный диапазон колебаний! Но эти колебания не выдуманы Н., они жили в том крестьянстве, которое он изображал. Отобразив эти противоречия как демократ, защищая классовые интересы мужика, Н. отражал противоречия крестьянской революции.

И здесь между крестьянским эпосом Н. и его лирикой протягиваются глубокие связующие нити. Все эти противоречия Н. были отражением противоречий самой крестьянской революции, способной только на стихийные возмущения, но не могущей победить феодально-буржуазный режим. Эта органическая слабость крестьянской революции, в значительной мере обусловленная мелкобуржуазной природой крестьянства, открывала в сознании Н. широчайший доступ всевозможного рода самобичеваниям. "Душно! без счастья и воли Ночь бесконечно длинна. Буря бы грянула, что ли? Чаша с краями полна!" [1868]. Но народная революция не приходила, и понадобилось очень много времени для того, чтобы крестьянское движение, руководимое пролетариатом, пришло к победе над остатками крепостничества в деревне. Органическую слабость крестьянского движения Н. интерпретировал как равнодушие народа к судьбе своих защитников, и это депрессивное ощущение собственного одиночества наполняло лирику Н. послереформенной поры. В борьбе с крепостничеством и с капитализировавшимся дворянством крестьянское движение оказалось побежденным, и это наполнило лирику его виднейшего поэта целой гаммой сложнейших противоречий. Однако в этих противоречиях ведущим началом является у Н. вера в народ, надежда на то, что народ в конце-концов поймет своих идеологов и что "широкие лапти народные" проторят пути к их могилам.

Н. нередко считают народником, что не вполне верно. Припомним характеристику, данную Лениным народничеству, и попробуем применить ее к Н. "Первая черта - признание капитализма в России упадком, регрессом" (Ленин, От какого наследства мы отказываемся) - абсолютно не характерна для Н. Он клеймил капитализм с точки зрения защиты крестьянских интересов ("Железная дорога", "Современники"), но он, не колеблясь, признавал его большую прогрессивность по сравнению с крепостничеством. "Знаю: на место сетей крепостных, Люди придумали много иных. Так! Но распутать их легче народу. Муза! С надеждой приветствуй свободу!" ("Свобода", 1861). Некрасов был против хищнического капитализма прусского типа, к-рый строил свое благополучие на костях обезземеленного крестьянства, но он нигде не выступал против капитализма американского типа как такового. Несвойственна Н. и вторая черта народничества - "вера в самобытность России, идеализация крестьянина, община и т. п.". Признавая вслед за Белинским капитализм как неизбежный этап русского исторического прошлого, Н. никогда не делал ставки на общинное хозяйство, неизменно противопоставляя ему индивидуального хозяина. Крестьянское благополучие Некрасов не случайно изображал в индивидуалистически-собственнических тонах. Характерна в "Дедушке" картина Тарбагатайского посада, где "Здоровенные псы, Гуси кричат, поросята Тычат в корыто носы", где "большие стада" высокорослы, красивы, "жители бодры всегда" и т. д. ("Дедушка"). Его

крестьяне мечтают о том, чтобы "так нам зажить, Чтобы свет удивить: Чтобы денег в мошне, Чтобы рожь на гумне... Чтоб не хуже других Нам почет от людей, Поп в гостях у больших, У детей грамотей" ("Песни"). Н., не задумываясь, делает ставку на индивидуальное хозяйство. Однако совершенно неправильно видеть во всем этом кулацкие тенденции, как то делает в своей статье о Некрасове Г. Горбачев. Фермерские тенденции Н. были не случайны: он боролся за американский путь развития капитализма в России, за ликвидацию пережитков крепостничества, за передачу крестьянству помещичьей земли, за политический и культурный рост мужика. "Благослови народный труд, Упрочь народную свободу, Упрочь народу правый суд. Чтобы благие начинанья Могли свободно возрасти, Разлей в народе жажду знания И к знанью укажи пути!" ("Гимн", 1866). Между этой политической программой и действительностью лежала такая же пропасть, как между нарисованной дедушкой идиллией Тарбагатая и крестьянской нищетой: "Ну... а куда подумай, То ли ты видишь кругом: Вот он наш пахарь угрюмой, С темным убитым лицом... Голоден труженик вечный, Голоден тоже, божусь! Эй! отдохни-ко, сердечный, Я за тебя потружусь! Глянул крестьянин с испугом, Барину плуг уступил, Дедушка долго за плугом, Пот отирая, ходил" ("Дедушка"). Этот почти толстовский образ пахущего барина вплетает в картину суровой крестьянской действительности знакомые нам уже мотивы дворянского покаяния. Не сближает его с народниками и третья черта последних: "игнорирование связи интеллигенции и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов": с одной стороны, Н. прекрасно понимал предательскую роль буржуазно-дворянской интеллигенции, а с другой - он постоянно противопоставлял ей интеллигенцию, защищавшую крестьянские интересы (образ Гриши Добросклонова в "Кому на Руси жить хорошо"). Из всего этого разумеется не следует делать вывода, что Н. не имеет глубоких связей с революционным народничеством: глубокое сочувствие его идеям крестьянской революции несомненно, но оно в равной мере свойственно и народникам и демократам. От ряда иллюзий, к-рые свойственны были народничеству и к-рые делали его идеологию реакционной, Н. безусловно свободен. Историческое место его не с Михайловским, а с Чернышевским и Добролюбовым. Сыграв подобно им огромную роль в формировании идеи русского народничества и выражении этих идей, он тем не менее остается крестьянским демократом. Примечательно, что "старым русским демократом" называл Н. и В. И. Ленин (см. Сочин. Ленина, изд. 3-е, т. XVI, стр. 132).

Вернемся к народным произведениям Н. Развернутый показ такого огромного материала крестьянских образов и тем требовал от Н. создания эпических полотен. К небольшим жанрам этого рода принадлежат: "крепостная баллада", "Огородник", "Притча об Ермолае трудящемся", небольшие стихотворения ("Вино", "Забытая деревня" и др.) с мелодической структурой, наличием твердых зачинов, рефренами, кольцевой композицией и пр. Употребительна также форма составных стихотворений, где несколько сцен из крестьянской жизни спаяны единым образом странствующего рассказчика или охотника. Однако любимейшим из "малых жанров" является здесь широко распространенная у него песня ("Песни в кабаке за полуштофом", "Песня Еремушке", "Песня убогого странника" и др.). Лишенное на протяжении многих столетий возможности иметь свою лит-ру, крепостное крестьянство выражало свое мировоззрение в устной поэзии - в сказке, в различных жанрах обрядовой поэзии и особенно в песне. Н. отразил в своем творчестве эту песенную стихию, как отразил он идеологию закрепощенного помещиками мужика. Песнями пропитан и большой эпический жанр Н. - народная поэма - "Коробейники", "Кому на Руси жить хорошо" ("песня о двух великих грешниках", "соленая", "веселая", "солдатская", "голодная") и особенно "Мороз-Красный нос". Композиция этих поэм содержит в себе ряд приемов, характерных для устной крестьянской поэзии: отрицательные формы сравнений, параллелизмы, единоначатия и т. д. Поэмы эти изобилуют пейзажными зарисовками, действие их разворачивается медленно, с серией повторяющихся традиционных формул ("Кому живется весело, Вольготно на Руси? Роман сказал: помещику, Демьян сказал: чиновнику..." и т. д.), с тоекратными ретардациями, с серией сказочных мотивов (самобранная скатерть в "Кому на Руси жить хорошо"). Ритмико-мелодический узор поэм необычайно изощрен - Н. практикует в них постоянные смены интонаций, стяжений, enjambements. Метрика варьируется очень сильно: "Мороз-Красный нос" написан амфибрахием, дактилем и хореем; столь же разнообразна и строфика: двустопишия ("Псовая охота", "Буря"), четверостишия ("Орина, мать солдатская"), сплошной текст ("Кому на Руси жить хорошо"). В действии поэм Н. отсутствует сюжетное напряжение, фабула экстенсивна и часто допускает перетасовывание глав (напр. "Кому на Руси жить хорошо"); сюжет движется или наблюдениями любопытных странников, или расспросами, или случайными встречами. Стилистике некрасовского эпоса свойственны полная и точная

передача крестьянской речи, обилие диалектизмов, местных оборотов (в ранних стихах, напр. "В дороге", особенно подчеркнутое), исключительное умение воспроизводить индивидуальное своеобразие речи любого персонажа (ср. в одной только главе IV "Кому на Руси жить хорошо" - "Ярмонка" - елейную и умильную речь сельского дьячка с цитатами из священного писания, наглуемую речь отставного лакея, бойкую брань поссорившихся между собой баб). Эпитет Н. постоянен, как в крестьянской песне ("ты стань-ка, добрый молодец, гляди мне в очи ясные...", "обвеял буйну голову, рассеял думы черные"), но вместе с тем он оригинален и меток ("стонет кулик вороватый", "У Клима совесть глиняна" и т. д.). Огромную роль в стилистике его эпоса играют сравнения - с природой, окружающей крестьянина ("Как дождь, зарядивший надолго, Негромко рыдает она"), с птицами, с насекомыми ("речь барская, как муха неотвязная, Жужжит под ухо самое"), с домашними животными ("корова холмогорская - не баба"), с утварью, с деревенскими учреждениями ("у Клима речь короткая И ясная, как вывеска, Зовущая в кабак"). Композиция и стилистика Некрасовского эпоса обусловлены той же крестьянской идеологией поэта, что и его тематика. Содержание и здесь находит себе адекватную форму.

Противопоставление эксплуататоров эксплуатируемым не ограничивалось у Н. сферой усадебной деревенской действительности. Те же две общественных категории встретились ему и в столичном городе, куда он явился, лишенный поддержки отца, и где он прошел через ужасающие испытания голода. Урбанистические мотивы исключительно сильны уже в раннем творчестве Н. Они звучат в его фельетонных обозрениях, они наполняют собой его ранние водевили и мелодрамы, но особенно широко разворачиваются они в некрасовской прозе и лирике.

Проза Н., в частности его "Петербургские углы" и недавно найденная повесть "Жизнь и похождения Тихона Тростникова", во всей широте отображает тот затхлый мир столичных трущоб, который Н. едва ли не первым изобразил в русской лит-ре во всей его неприглядности. Выдержанная в ярко натуралистических тонах, проза Н. является прямой предшественницей прозы Николая Успенского, Левитова, Решетникова и др. разночинских беллетристов 60-х гг. Столь же замечательны и урбанистические стихотворения Н., в которых он отображает жизнь обездоленных низов тогдашней столицы.

Петербург, нарисованный Н., ничем не напоминает тот торжественный и пышный образ императорской столицы, который изобразил Пушкин в прологе к "Медному всаднику" и Гоголь в финале "Невского проспекта". Революционный демократ, Н. дегероизирует Петербург: флаг "гордого дворца" кажется ему "простой тряпицей", дома "стоят, как крепости, пустые" ("Несчастные"), Нева представляется ему "гробницей", а самый город "изношенным фатом без румян" ("Сумерки"). Автору "Петербургских углов" чужды великолепие воинских парадов, роскошь столичных балетов; все свое сочувствие поэт отдает мелкому мещанству, столичной бедноте, "голи", живущей в "подвалах сырых, полутемных, зловонных, дымящихся". Одних представителей этой голи нужда и болезнь толкают на воровство, других - они вынуждают торговать своим телом. В этих нищенских трущобах свирепствуют и холод и голод. "Уходи от голодных, больных, Озабоченных, вечно трудящихся, Уходи, уходи, уходи! Петербургскую голь пощади! Но мороз не щадит, прибавляется..." "Всевозможные тифы, горячки, Воспаленья идут чередом, Мрут, как мухи, извозчики, прачки, Мерзнут дети на ложе своем". Бесконечной вереницей тянутся по страницам урбанистических произведений Н. похоронные процессии на "необозримые кладбища" Петербурга. Серией гипербола рисует Н. и неприглядные пейзажи "больного", "мглистого" и "туманного" Петербурга ("О погоде") и его безотрадный будничный быт. Картины последнего изобилуют гротескными подробностями: гроб провожает старушка "в кацавейке, в мужских сапогах", "с похорон обратно дроги Пустые весело бегут" и пр. Отношение Некрасова к обитателям столичных трущоб лучше всего характеризуется образом извозчика беззащитной клячи ("О погоде"), как бы символизирующим издевательства, к-рые испытывает и "петербургская голь": "Ноги как-то расставив широко, Вся дымясь, оседавая назад, Лошадь только вздыхала глубоко И глядела... (так люди глядят), Покоряясь неправым нападкам".

Дышавшие глубокой скорбью стихи Н. о столичной бедноте составляют переходный мост к открытой сатире на представителей буржуазии. Галерея сатирических образов Н. неисчерпаема. Бичеванию его подверглись все те, кто сидел на шее народа, кто защищал помещичье-буржуазный режим. Н. прошел по всем ступеням бюрократической лестницы, от

мелких и подобоострастных исполнителей, через делавших себе карьеру администраторов, добираясь до министра. Особняком стоят образы цензоров, чиновников, поставленных для расправы над лит-рой. Вторую категорию образует дворянство, прожигающее свои силы в бесчисленных кутежах, обуржуазившееся, пленившееся выгодами капиталистич. предпринимательства. Таков Гриша Зацепин: "И богомолец, и ротмистр лихой, И хлебосол - предводитель дворянства - Стал он со временем туз откупной - Эксплоататор народного пьянства" ("Современники"). Буржуазную интеллигенцию - юристов, инженеров и профессуру, связавших свою судьбу с хищническим капиталом, - охватил бурный процесс идеологического перерождения. Вот между ними ученый Шнабс, к-рый, "окончив курс, на лекции студентам... с энергией внушал Любовь к труду, презрение к процентам, Громя тариф, налоги, капитал. Сочувственно ему внимали классы... А ныне он - директор ссудной кассы..." Вот адвокат, защищающий на суде отъявленного плута: "И содрал гонорар неумеренный, Воскликнул мой присяжный поверенный: Перед вами стоит гражданин Чище снега альпийских вершин!.." Беспощадность, с к-рой Н. обличал мелкий, гнилой буржуазный либерализм пореформенной поры, сблизает его поэзию с сатирами Салтыкова-Щедрина, писателя вообще чрезвычайно близкого к Н. Но главным объектом сатиры Н. являются буржуа, всемогущие обладатели денег, наглые присвоители прибавочной стоимости, окруженные всеобщим преклонением. Здесь и купцы - "торгаши", и длинная галерея столичных ростовщиков, и подрядчики, наживающиеся на военных поставках. В изображении путей первоначального накопления русского капитала Н. - величайший мастер: вспомним Шкурина, наживающегося на выдирании щетины их хребта живых свиней, создавшего искусственное обезземеливание крестьян, заставившего рабочего больше пить кваса и "обходиться охотно без мяса". Но лучшим памятником этого накопления бесспорно является "Железная дорога", - по выражению М. Н. Покровского, - "теория трудовой стоимости в стихах". В этом произведении с невиданной художественной силой заклеимена та дворянско-буржуазная Россия, к-рая жирела и благоденствовала на костях обезземеленного крестьянства. В этом смысле "генерал в пальто на красной подкладке" и "красный, как медь, подрядчик" представляли неразрывных союзников в капиталистическом преуспевании России. К этому "прусскому" варианту капитализма Н. относился безусловно отрицательно, и тщетны все попытки отдельных исследователей (напр. Чуковского) доказать обратное ссылаясь на интерес Н. к процессу накопительства. Эта ненависть к правящему блоку (в к-ром политическая власть принадлежала конечно генералам на красной подкладке) закономерно сочеталась в Н. с пламенными симпатиями к той бедноте, к-рая наполняла столичные "углы" и трущобы. Урбанизм Некрасова неотрывен от изобличения капитализма. Его огонь открыт по самым различным группам буржуазно-дворянского блока. Чиновники и профессора, дворяне и банкиры, гусары и подрядчики соединены здесь в одну неразрывную фалангу общим стремлением к наживе, общей эксплуатацией народного труда. Из "Ростовщика", "Балета", "Нравственного человека" и "Современников" бьет ключом непримиримое отрицание эксплуататоров. Н. изобличает русский капитализм во всеоружии реалий. В отличие от марксистов, понимавших гигантскую революционную роль формировавшегося в процессе капитализации пролетариата, Н. не видел этих положительных следствий капитализма: в этом в значительной мере повинна эпоха - русский капитализм был еще очень слаб. Не почувствовав в рабочих, к-рых он неоднократно изображал в своих урбанистических произведениях ("О погоде", "Песни о свободном слове", та же "Железная дорога"), будущих могильщиков русского капитализма, Н. воспел их как его жертву.

Богатейшее социальное содержание некрасовской сатиры реализовалось рядом поэтических жанров. Серия лит-ых пародий свидетельствует о его освобождении от канонов дворянской поэзии; порвав с социальной средой, Некрасов рвал связи и с поэтической культурой, созданной этим классом. В "Текле" им как бы развенчивается романтический образ пушкинской Татьяны, в "Карпе Пантелеиче и Степаниде Кондратьевне" берется под обстрел высокая экзотика "индийской повести" Жуковского "Наль и Дамаянти". Но чаще всего пародируется Лермонтов - его эмфатическая фразеология, его экзотическая кавказская тематика ("В один трактир они ходили прилежно", "И скучно и грустно и некого в карты надуть", "Первый шаг в Европу", "Суд" и наконец "Колыбельная песня"). Другим сатирическим жанром Н. является куплет (см.) - стихотворная форма с характерным делением на строфы, с последовательным развитием темы и единообразным развертыванием основного сатирического лейтмотива; характерный образец - "Нравственный человек" с неизменным самодовольным рефреном: "Живя в согласьи с строгою моралью, Я никому не сделал в жизни зла", "Современная ода" с кольцевым рефреном, романс "Еще тройка" и особенно "Песни о свободном слове", чей рефрен "Осторожность, осторожность, осторожность, господа!"

превосходно характеризует многочисленные опасности, стоявшие перед свободой слова в условиях политической реакции. От куплетов сам собой напрашивался переход к более широкому сатирическому полотну, к-рое объединило бы в себе эти разрозненные этюды. Такой большой формой является у Н. фельетонная поэма. Композиция поэмы "Современники", представляющей собой конгломерат сценок, монологов, диалогов, характеристик, вставных куплетов, вполне соответствует ее тематике, сутолоке большого ресторана, в различных залах к-рого одновременно празднуются юбилеи, происходят отчетные собрания акционеров и развертываются кутежи. Композиционной какофонией различных "голосов" Н. воссоздает "во весь социальный рост необозримую толпу "героев времени"". В просторные рамки этого обозрения включены более мелкие жанры, подчиненные общему обличительному заданию; такова напр. шансонетка о "мадам Жюдик", к-рую поют "в зале ЛЬ 3". Сатире Н. присущ портретный гротеск, изображение классово чуждых ему персонажей путем резкого преувеличения отдельных черт их наружности и характера: "Князь Иван - колосс по брюху, Руки - род пуховика, Пьедесталом служит уху Ожиревшая щека". Но еще любопытнее сюжетный гротеск - песня о бурлацком горе, к-рую Н. вкладывает в конце поэмы в уста опьяневших от разгула хищников: "Все в этой песне: тупое терпенье, Долгое рабство, укор. Чуть и меня не привел в умиленье Этот разбойничий хор!.." Потрясающий контраст состава хора с содержанием песни приводит к бурной сцене покаяния Зацепы - "смелый художественный прием, достойный великого мастера, контраст, ужасающий своей трагичностью", писала современная Н. критика. Сущность некрасовских плутократов прекрасно характеризуется и их лексиконом, изобилующим огромным количеством терминов банковского и биржевого характера, серией горделивых афоризмов о могуществе денег, и резко "прозаической" рифмовкой ("души" с "барыши", "артистом" с "аферистом", "собрата" с "плутократа", "Овидий", "Фидий" и "субсидий"), и серией комических сравнений, в к-рых буржуа и бюрократы сравниваются с животными ("Но свиреп он в игре, как гиена", или в ругани одного спекулянта по адресу другого - "вместо сердца грош фальшивый у тебя в груди"). Патетическая насыщенность некрасовской сатиры подчеркивается целой системой ораторских приемов - риторических вопросов и восклицаний, периодами с рядом нагнетательных и усугубительных конструкций, с внезапным срывом, когда поэт осознает вдруг бесплодность своих обличений. Вспомним срыв лицемерной патетической декламации неожиданным окриком лакея: "Первоприсутствуя в сенате, Радел ли ты о меньшем брате! Всегда ли ты служил добру? Всегда ли к истине стремился?.. - Позвольте-с! Я посторонился И дал дорогу осетру..." Необходимо отметить здесь наконец исключительное разнообразие метров: кроме четырехстопного ямба Н. пользуется дактилем ("Железная дорога", "Песни о свободном слове") и особенно часто - анапестом (преимущественно в произведениях, сопрягающих с сатирой большую лирическую насыщенность: "Размышления", "О погоде", "Убогая и нарядная"). При этом Н. часто соединяет различные размеры; так, в "Современниках" мы найдем четырехстопный хорей, двустопный дактиль, четырехстопный амфибрахий и т. д. Сатира Н. - не дурной отросток его творчества, как это казалось одно время нек-рой части его критики, а равноправная часть его. В ней с исключительной страстностью и гибкостью выражена жгучая ненависть поэта к эксплуататорам и угнетателям.

Мы изучали до сих пор стиль Н. в отдельных составляющих его жанрах, попробуем теперь выделить в нем общие объединяющие черты. Стиль Н. резко противостоит ведущим линиям дворянской поэзии. Если искусство этого класса, деградировавшего и мало-помалу уступавшего поле борьбы своим антагонистам, становилось все более аполитичным, то поэзия Н. полна общественных мотивов. Поэзия дворян развивается под знаком признания доктрины чистого искусства, поэзия Н. насквозь утилитарна, неизменно ставя искусству задачи раскрытия общественных противоречий. Тем самым Некрасов оказывается виднейшим реалистом в поэзии его поры, ибо нет ни одного другого поэта, к-рый бы раскрыл эти противоречия с большей широтой и конкретностью. И наконец стиль Н. демократичен, ибо, развивая свои идейные тенденции, он открывает для русской поэзии новые области социальной действительности, перенося свое внимание в трущобы петербургских углов, в избы крепостных и разоренных реформой деревень. Субъектом творчества помещичьей поэзии был интеллигент-дворянин; у Н. это место перешло к мужику, интересы к-рого защищает вся его поэзия. Стиль Некрасова - это стиль революционного крестьянского демократа.

Многообразие поэтического стиля Н. создавалось не только на базе преодоления чуждых литературно-поэтических традиций, но и внимательного отбора в лит-ре прошлого того, что было для него хотя бы относительно приемлемо.

Основная магистраль лирики Н. идет в направлении беспощадного отрицания канонов дворянской лирики, что не лишает однако Н. диалектической связи с теми ее элементами, которые выражали процесс формирования нового социального качества. Характерно напр., что наряду с пародиями на лермонтовскую экзотику Н. продолжал те его мотивы, которые характеризовали протест Лермонтова против социальной действительности; то же самое должно быть сказано и о молодом Огареве и Плещееве, с к-рыми у Н. найдутся некоторые связи. Некрасов явно опирается на "гражданственную" лирику первой половины XIX в. - на Державина (ср. напр. "Размышления у парадного подъезда" с "Вельможей"), на Рылеева, чья борьба за гражданскую поэзию с пушкинской плеядой общеизвестна и прямо продолжена Н. (влияние "Войнаровского" на "Несчастных" и на "Русских женщин", отмеченное некоторыми критиками 70-х гг.). В создании "народного" эпоса Н. широко использовал крестьянскую устно-поэтическую традицию - вначале через отраженное преломление дворянской поэзии (Жуковский в "Мечтах и звуках"), позднее - через посредство фольклорных публикаций Киреевского, Рыбникова, Шейна и наконец через непосредственное собиранье Н. нужного ему устно-поэтического материала, мелких говорных жанров - пословиц, поговорок, загадок (последние служат основой многих образных выражений, напр. "Да правды из мошенника И топором не вырубешь, Что тени из стены"), песенных форм (семейно-бытовых песен - "Спится мне младешенькой, дремлется, мой постылый муж подымается"), причитаний ("Падите, мои слезыньки") и т. д. Но особенно любопытна историко-литературная позиция Некрасова-сатирика. Отталкиваясь от высокой экзотики дворянского романтизма и пародируя ее, Некрасов опирается на фельетонно-куплетную поэзию, так широко развернувшуюся в 30-х годах (Ф. А. Кони, Григорьев, Каратыгин и др.). Он сумел однако преодолеть безыдейность этой продукции, в большинстве своем рассчитанной на потребу средней и мелкой городской буржуазии - купечества, низшего чиновничества и пр. Процесс преодоления протекал у Некрасова чрезвычайно быстро: если в "Говоруне" [1843] он еще находится во власти непритязательного зубоскальства, то уже "Нравственный человек" знаменует создание им обличительного куплета; тридцатью годами позднее мотивы "Нравственного человека" широко развернутся в сатирической поэме "Современники".

Содержание творчества Н. должно было обеспечить ему крупную революционизирующую роль. Этого успешно достигал и его народный эпос, проникнутый сильнейшими симпатиями к угнетенному крестьянству и жгучей ненавистью к помещикам, и язвительная сатира на хищническую российскую буржуазию, и наконец некрасовская лирика, неизменно возбуждавшая читателя трагизмом развернутых в ней социальных противоречий. Именно поэтому Н. взяла под свое ближайшее наблюдение цензура, справедливо не находившая в его стихах "ни одной отрадной мысли, ни тени того упования на благодать провидения, которое всегда постоянно подкрепляет злополучного нищего и удерживает его от преступления" (отзыв цензора Лебедева о "Еду ли ночью по улице темной"), справедливо видевшая в "Последыше" "пасквиль на все дворянское сословие" и потому боровшаяся с творчеством "самого отчаянного коммуниста" (выражение Булгарина) безжалостным уродованием стихов, запрещением отдельных стихотворений и целых изданий. Реакции читателей на творчество Некрасова не могли быть и не были едиными. Оно встретило решительное осуждение в среде тех собственнических классов, чьим интересам противоречили его тенденции. Стихами Некрасова не случайно возмущались в воспитанном на дворянской эстетике кружке Вас. Боткина, Дружинина и Тургенева: защитникам пушкинских традиций была в глаза подчеркнута некрасовских варваризмов, прозаизм его рифмовки ("сожалели по Житомиру... Семейство пустит по миру"). "Любители русской словесности, - торжественно предрекал Тургенев в 1869, - будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему же это? А потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что с белыми нитками, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях "скорбной" музы г. Некрасова - ее-то, поэзии-то, и нет на грош". Отталкивая от себя дворянскую критику, Н. нашел вторую группу своих читателей в пореформенном крестьянстве. Над симпатиями Н. к народу всячески потешалась буржуазно-дворянская критика. "Брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо", поучал Боткин в ту пору, когда он и другие члены его кружка еще не потеряли веры в Н. Широкая популярность Н. в крестьянской и

рабочей среде конца XIX в. и начале XX в. - факт бесспорный, удостоверяемый длинным рядом анкетных свидетельств и признаний. С середины 70-х гг., когда начало "Коробейников" вошло в лубочные песенники, и до наших дней Н. - один из любимейших поэтов этих читателей, производивший на них впечатление неотразимое, "громадное, самое сильное из всех". Однако главных своих поклонников Н. встретил в среде революционных разночинцев. Уже В. Белинский восторгался сочувствием Н. к "людям низкой породы". "Стихи Некрасова у всех на руках, - писал в 1864 В. Зайцев, - и будят ум и увлекают как своими протестами, так и идеалами". "Некрасова как поэта, - признавался тремя годами ранее радикальный разночинец Д. Писарев, - я уважаю за его горячее сочувствие к страданиям простого человека, за "честное слово", которое он всегда готов замолвить за бедняка и угнетенного. Кто способен написать "Филантроп" "Эпилог к ненаписанной поэме", "Еду ли ночью по улице темной", "Саша", "Живя в согласии со строгою моралью" - тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия". "Его слава будет бессмертна, - писал Чернышевский из Сибири, - вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов". Революционно-демократическая критика имела все основания давать творчеству Н. столь высокую оценку. Поэзия его неустанно звала на тернистую дорогу борьбы за угнетенный народ; выступать в эпоху буржуазно-дворянской реакции 60-70-х гг., в эпоху жесточайших репрессий против народничества и полного политического закрепощения крестьянства, за "народ" против эксплуататоров значило выступать за революцию. Когда Волконская признавалась: "Бессильно стоял передо мной Сергей, Тюрьмою измученный, бледный, И много неведомых прежде страстей Посеял в душе моей бедной" - это внутреннее перерождение характеризовало не только жен декабристов, но в еще большей степени присуще было сотням и тысячам девушек и женщин-"разночинок", рвавших все связи с тиной семейно-патриархального уклада и политически прозревавших. Н. проводил прямую связь между декабристами и революционной молодежью. "Быть может, - обещал он в том же самом эпилоге, - мы, рассказ свой продолжая, Когда-нибудь коснемся и других, Которые, отчизну покидая, Шли умирать в пустынях снеговых". Но и без этого прямого указания на революционных разночинцев исторические поэмы Н. должны были возбуждать в их среде огромный революционный энтузиазм, как и все его творчество в целом. Свидетельства Л. Дейча, Г. В. Плеханова, М. Ольминского и мн. др. это подтверждают.

Н. пользовался огромной популярностью у поэтов революционной демократии 60-80-х гг., к-рые видели в нем главу новой поэтической школы. Такие поэты революционной демократии, как В. Курочкин, Гольц-Миллер, Гнут-Ломан и Жулев, такие радикалы, как Вейнберг, Минаев, такие народники, как Симборский, П. Якубович, следовали в своей творческой работе заветам Н., учились у него новым художественным приемам. Идеи женской эмансипации, внимание к жизни городских низов, глубокое сочувствие задавленному крестьянству, резкое отрицание дворянской идеологии и дворянской поэзии - все эти отличительные черты некрасовской поэзии были характерны и для творчества перечисленных поэтов. У Н. они развернулись особенно широко, что было обусловлено как размером его творческого дарования, так и сложностью его творческого пути.

Н. перерос свою эпоху. Его ценность для современного пролетарского читателя не только в том, что в его творчестве едва ли не впервые в русской поэзии отображена жизнь рабочего класса пореформенной поры (пейзаж дальних предместий с клубами дыма "из труб колоссальных" в стих. "О погоде", образы типографских рабочих в "Песнях о свободном слове", землекопов - в "Железной дороге" и т. д.), но и в том, что он служил всем своим творчеством тому делу социального переустройства, к-рое так широко развертывается в настоящее время рабочим классом. Разве не актуальна напр. в наше время лирика Н. с ее основной темой социальной переплавки личности, разве не стоят в наше время эти проблемы перед мелкобуржуазной интеллигенцией, тяготеющей к пролетариату, но зачастую бессильной преодолеть в себе связи с буржуазным миром? Разве не актуальны мотивы некрасовских поэм о страданиях крестьян в дворянско-буржуазном строе? Разве нам не нужна его сатира на этот строй и разве отошла в вечность его пламенная ненависть к эксплуататорам? Поскольку в мире еще не уничтожена эксплуатация и мир еще делится на угнетаемых и угнетателей, социальный пафос некрасовского творчества остается действенным и организующим. Может быть ни в чем Н. не созвучен нам в такой степени, как в преклонении перед "бодрым" трудом "неутомимого" народа. Поэт, знавший только рабский труд крепостных или освобожденных от земли крестьян и не менее тяжкую работу бесправных фабричных, сумел сквозь остроту противоречий, обуревавших его социальное сознание, пронести глубокую уверенность в созидательную

способность трудящихся и в то, что рано или поздно придет "черед иных картин", наступление иного социального порядка. Это дает ему право на величайшее уважение класса, строящего социализм.

Задача использования некрасовского наследия является одной из тех проблем, которые стоят в порядке дня советской лит-ры. Современные поэты должны учиться у Н. демократизму стиля, его глубокому уменью ставить искусство на службу общественным устремлениям рабочего класса, его реалистическому изображению действительности. Искусство поэта формировалось на мелкобуржуазной основе, но оно служило революции, воспитывало революционеров и является одним из самых близких пролетариату и непосредственных предшественников социалистического реализма.

Библиография: I. Из множества изд. сочин. Некрасова указываем последние: Полное собр. стихотв., ред. и примеч. К. Чуковского, критич. очерк И. Кубикова, Гиз (неск. изд.); Полное собр. сочин., под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского, 5 тт., Гиз, М. - Л., 1929-1930; Каменное сердце (повесть из жизни Достоевского), изд. 2-е, под ред. и со вступ. ст. К. Чуковского, П., 1922; Тонкий человек и др. неизданные произведения, изд. "Федерация", М., 1928; Светочи, с предисловием Д. Бедного, под ред. и со ст. А. Ефремина, Гиз, М., 1930 [По вопросу о подлинности этой поэмы см. статьи Рейсер С. А., Новооткрытые строки Некрасова (к вопросу о подлинности "Светочей"), "Литература и марксизм", 1929, VI]; Ефремин А., Борьба за Некрасова, "Литература и марксизм", 1930, II; Жизнь и похождения Тихона Тростникова, ГИХЛ, М. - Л., 1931. Письма Некрасова: Архив села Карабиhi. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову, составил Н. Ашукин, М., 1916; Некрасовский сборник, под ред. В. Евгеньева-Максимова и Н. Пиксанова, П., 1918. Письма Некрасова, рассеянные по ряду периодических изданий, собраны в т. V Собрания сочинений Некрасова, под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, Гиз, Москва - Ленинград, 1930.

II. Некрасов в мемуарной литературе: Ковалевский П., Встречи на жизненном пути, Н. А. Некрасов, "Русская старина", 1910, I; Колбасин Е., Тени старого "Современника", "Современник", 1911, VIII; Ветринский Ч., Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и не собранных произведениях, Москва, 1911; Кони А., Некрасов, Достоевский по личным воспоминаниям, П., 1921; Фигнер В. Н., Студенческие годы, "Голос минувшего", 1923, I (и в "Собр. сочин.", т. V, М., 1929); Панаева А., Воспоминания, "Academia", Л., 1927; Дейч Л., Некрасов и семидесятники, "Пролетарская революция", 1921, III; Анненкова П. В., Литературные воспоминания, "Academia", Л., 1928; Григорович Д., Литературные воспоминания, "Academia", Л., 1928; Быков П. В., Мои воспоминания о Н. А. Некрасове, сб. "Пролетарские писатели Некрасову", М. - Л., 1928; Некрасов в воспоминаниях и документах, "Academia", М., 1929. Некрасов как журналист: Материалы для характеристики современной русской литературы, СПб, 1869; Ляцкий Е., Н. Г. Чернышевский в редакции "Современника", "Современник", 1911, IX-XI; Бельчиков Н. и Переселенков С., Н. А. Некрасов и цензура, "Красный архив", 1922, I; Евгеньев-Максимов В., Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в., Гиз, Л., 1929. Литература о Некрасове домарксистских направлений (исключая его поэтику): Достоевский Ф., Дневник писателя, 1877, декабрь; ср. также 1876, январь, и 1877, январь; Арсеньев К., Критические этюды, т. I, СПб, 1888; Пыпин А., Некрасов, СПб, 1905; Максимов В. (В. Евгеньев), Литературные дебюты Некрасова, вып. I, СПб, 1908; Горнфельд А., Русские женщины Некрасова в новом освещении, сб. ст. "О русских писателях", т. I, СПб, 1912; Чуковский К., Некрасов и модернисты, сб. ст. "Лица и маски", П., 1914; Мережковский Д., Две тайны русской поэзии - Некрасов и Тютчев, М., 1915; Розанов И. Н., Н. А. Некрасов, Жизнь и судьба, П., 1924; Евгеньев-Максимов В., Н. А. Некрасов и его современники, Л., 1930; Его же, Некрасов как человек, журналист и поэт, Гиз, М. - Л., 1930. Поэтика Некрасова: Андреевский С., Некрасов, в сб. ст. "Литературные очерки", изд. 3-е, СПб, 1902; Слонимский А., Некрасов и Маяковский (к поэтике Некрасова), "Книга и революция", 1921, Лб 2 (14); Тынянов Ю., Стиховые формы Некрасова, "Летопись дома литераторов", 1921, IV, и в сб. ст. "Архаисты и новаторы", Л., 1929; Сакулин П. Н., Некрасов, М., 1922; Эйхенбаум Б., Некрасов, "Начало", 1922, II, и в сб. "Сквозь литературу", Л., 1924; Чуковский К., Некрасов, Статьи и материалы, изд. Кубуч, Л., 1926; Его же, Рассказы о Некрасове, Л., 1930; Шувалов С., Сравнения Некрасова в книге "Семь поэтов", М., 1927 (все эти работы страдают формализмом); Ашукин Н. С., Как работал Некрасов, М., 1933. Марксистская критика о Некрасове: Ленин В. И., Собр. сочин., изд. 1-е, т. XII, ч. 1, Гиз, 1926; изд. 3-е, т. XVI и др. (см. по указателю имен);

Полянский В. (П. Лебедев), Н. А. Некрасов, Гиз, М., 1921, изд. 2-е, М., 1925; Покровский М. Н., Некрасов, "Правда", 1921, ЛЬ 275; Каменев Л., Суровые напевы (Памяти Н. Некрасова), М., 1922; Луначарский А., Литературные силуэты, М., 1923 (статьи "Н. А. Некрасов", "Пушкин и Некрасов"); Плеханов Г., Н. А. Некрасов, Сочинения, т. X, М., 1926; Камегулов А., Труд и капитал в творчестве Некрасова, сб. "Пролетарские писатели Некрасову", М., 1928; Лелевич Г., Поэзия революционных разночинцев, М., 1931; Горбачев Г., Героическая эпоха в истории демократической интеллигенции и Некрасов, гл. в кн. "Капитализм и русская литература", Гиз, М. - Л., 1925 (последнее изд., 1930). Последняя работа построена на антиленинском понимании русского исторического процесса. Некрасов в истории русской литературы: Оксенов И., Некрасов и Блок, Некрасов, памятка, Гиз, П., 1921; Рашковская А., Некрасов и символисты, "Вестник литературы", 1921, ЛЬ 12 (36); Либединский Ю., Под знаком Некрасова, "На литературном посту", 1927, ЛЬ 2-3; Крестьянские писатели о Некрасове, "Жернов", 1927, ЛЬ 7 (18). Сборники критической литературы о Некрасове: Зелинский В., Сборник критических статей о Некрасове, 3 чч., М., 1887-1897 (изд. 2-е, М., 1903-1905); Покровский В., Некрасов, его жизнь и сочинения, Сб. историко-литературных статей, изд. 2-е, М., 1915; Н. А. Некрасов, Сб. статей, изд. "Никитинские субботники", М., 1929.

III. Голубев А., Н. А. Некрасов, СПб, 1878 (там же указатель журнальной и газетной литературы о Некрасове за 1840-1878, составленный С. Пономаревым); Мезьер А. В., Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. 2, СПб, 1902; Лобов Л., Библиографический обзор литературы о Некрасове, СПб, 1903; Чернышов, Некрасов в жизни и по смерти, СПб, 1908; Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. IV, П., 1917; Бельчиков Н. Ф., Литература о Некрасове за годы революции, М., 1929. См. также общие указатели И. В. Владиславлева и Р. С. Мандельштам.

А. Цейтлин

Литературная энциклопедия: В 11 т. - [М.], 1929-1939